

И. 354 К

Ф. Г. ПАНАЧИН

*Этого
не забудем
никогда*

ОБЛГИЗ ИВАНОВО
1 9 5 1

Ф. Г. ПАНАЧИН

ЭТОГО
НЕ ЗАБУДЕМ
НИКОГДА

*(Расстрел иваново-вознесенских рабочих
23 (10) августа 1915 года)*

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 5 1

Шел 1914-й год. В начале августа возник пожар первой мировой империалистической войны. Царская Россия, являясь полуколонией англо-французского империализма, в первые же дни вынуждена была бросить в мясорубку войны миллионы солдат.

„Империалистическая война возникла в силу неравномерности развития капиталистических стран, в силу нарушения равновесия между главными державами, в силу необходимости для империалистов нового передела мира путем войны и создания нового равновесия сил“.¹ Эта война была одной из самых несправедливых и грабительских войн в истории человечества. Виновниками войны являлись империалисты всех стран, Англии и Германии, США и Франции, Италии и России.

Русская буржуазия, вступив в войну, рассчитывала поправить свои дела. Она думала завоевать новые земли, расширить рынки сбыта и источники сырья, нажиться на военных поставках и, используя военную обстановку, подавить нарастающее революционное движение.

Накануне войны в России был заметный подъём революционного движения.

В апреле — мае 1912 г., в связи с расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках, в стране вспыхнули ярким пламенем массовые политические стачки. В Петербурге, в Москве и других промышленных центрах России одна за другой возникали массовые забастовки, демонстрации, митинги.

Кровавые злодеяния царизма в далеком районе Сибири взволновали всю страну. Буря возмущения еще более усилилась после выступления царского палача, министра внутренних дел Макарова в Государственной думе, цинично заявившего по поводу расстрела на Лене, что „так было и так будет“.

¹ История ВКП(б). Краткий курс. Изд. 1938 г., стр. 173.

Вновь поднимались на борьбу и текстильщики Иваново-Вознесенска. С 1912 по июль 1914 г. в Иваново-Вознесенске возникло до 20 стачек.

Товарищ Сталин писал: „Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций“.¹

Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы, вождем и вдохновителем которой являлась мудрая партия большевиков.

Снова со всей силой выдвинулись три старых лозунга партии большевиков: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, восьмичасовой рабочий день.

Реформистская соглашательская политика, пропагандируемая меньшевиками, не имела успеха в среде рабочих. В лагере контрреволюции наблюдался развал.

Анализируя сложившуюся обстановку в стране, Центральный Комитет партии большевиков в извещении по поводу работы Поронинского совещания (октябрь 1913 г.) писал, что теперь вопрос о новой революции господствует над всей политической жизнью в стране.

Однако этот революционный подъём был прерван, его временно остановила начавшаяся война. В период империалистической войны царизм нанес сильный удар по рабочему классу и большевистской партии. Было закрыто большинство рабочих организаций, уничтожена легальная рабочая печать, множество большевиков посадили в тюрьмы и сослали в Сибирь. Преследовалось всякое живое слово, всякая передовая мысль. Реакция свирепствовала.

Но несмотря на удесятенный гнет самодержавия и жесточайшие репрессии, большевистская партия неуклонно и настойчиво, систематически и кропотливо готовила трудящиеся массы к новой революции.

В феврале 1915 г. В. И. Ленин писал: „В настоящий

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 238.

момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис тем не менее назревает¹.

Разруха в тылу и постоянные поражения на фронте еще более усиливали революционную борьбу масс.

Первая мировая империалистическая война наглядно показала всю гнилость царизма, полную несостоятельность общественного и государственного строя царской России.

В военно-экономическом отношении Россия оказалась колоссом на глиняных ногах. Русская армия в первом же месяце войны ощущала острый недостаток в снарядах, винтовках, патронах, обмундировании, продовольствии.

Военная промышленность задыхалась от нехватки топлива, металла, оборудования.

Война была тяжелым бременем для народа. Росло обнищание рабочего класса и разорение крестьянства.

Все это ослабляло царизм, усиливало революционный кризис. Война явилась могучим ускорителем второй русской буржуазно-демократической революции.

События, развернувшиеся летом 1915 г. в Иваново-Вознесенске, наглядно подтверждают положение В. И. Ленина о том, что в период войны пролетариат не сложил свое оружие, что он борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за демократическую республику. Августовская политическая стачка иваново-вознесенских текстильщиков и расстрел ивановских рабочих на Приказном мосту 23(10) августа 1915 г. показали, с одной стороны, гнилость царизма, слабость и контрреволюционную сущность русской буржуазии, а с другой, — растущую силу русского пролетариата и его авангарда — партии Ленина — Сталина.

I

Промышленность города Иваново-Вознесенска с первых же дней войны стала работать с большими перебоями. Ощущался острый недостаток в топливе, хлопке, красителях. В сентябре 1914 г. на многих текстильных

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 139, изд. 4-е. (Все последующие цитаты взяты также по 4-му изданию.)

фабриках города количество рабочих дней в месяц сократилось почти в два раза. Рабочая неделя уменьшилась до трех-четырёх дней. Начались расчеты и увольнения рабочих. Например, если в июле 1914 г. на ситце-печатной фабрике Куваевской мануфактуры¹ работало 2605 рабочих, то в октябре того же года — 2130 рабочих. Быстро росла безработица. Упадок в работе текстильных предприятий города вызвал тревогу даже у недалеких и тупых реакционных правителей Владимирской губернии. Губернатор Крейтон сообщал в Петербург, что во время мобилизации прекратился регулярный подвоз материала на все фабрики и заводы губернии, следствием чего явилось сокращение работ на некоторых фабриках и прекращение на других, и, таким образом, в недалеком будущем несколько десятков тысяч рабочих могут остаться без обычного заработка, столь необходимого вообще, а особенно в текущем году, когда в губернии ощущается недород хлебов и трав.

Местные фабриканты: гарелины, грязновы, витовы, бурылины, гандурины, маркушевы и другие стали еще более усиливать наступление на рабочих. Они выжимали все соки из своих наемных рабов во имя личного благополучия, во имя новых сверхприбылей. И следует подчеркнуть, что их барыши не только не сократились, но, наоборот, неимоверно возросли.

По подсчетам официального „Вестника финансов“ только по 142 наиболее важным текстильным предприятиям прибыль капиталистов возросла с 60 миллионов в 1913 году до 174 миллионов в 1915 году. Льняная промышленность получила в 1915 году втрое больше прибыли, чем до войны.² Прибыль Н. Гарелина за первый год войны увеличилась в пять раз, А. Гандурина — почти в четыре раза, П. Витовой — более чем в три с половиной раза и т. д.

Иваново-вознесенские промышленники особенно наживались за счет казны на правительственных заказах. В 1915 г. половина продукции фабрик и заводов

¹ Ныне фабрика Большая Ивановская мануфактура (БИМ) им. В. М. Молотова.

² История гражданской войны в СССР (1917—1922). Государственное издательство „История гражданской войны“, М., 1936, стр. 17

города шла для военного ведомства для армии. Кроме тканей, белья и обмундирования, для армии изготовлялось также артиллерийское снаряжение, снаряды, бомбы, гранаты, шрапнели, сабли и т. п.

22 июня 1915 г.¹ в Иваново Вознесенске был создан военно-промышленный комитет, который производил распределение военных заказов по предприятиям города. В состав комитета вошли заводчики, фабриканты, крупные торговцы и другие дельцы-толстосумы. Во главе его были поставлены фабриканты Зубков, Дербенев и Гарелин.

„Все для войны, все на войну,“ — таков был официальный лозунг буржуазии города. Фактически же этот лозунг означал: „Наживайся во-всю на военных поставках и захвате чужих земель“.

Каждый день и час работы на „оборону“ приносил ивановским миллионерам огромные богатства. Верно сказал о них один из ивановских поэтов: „И кровь текла, и золото текло. У бедных горе, — праздник — у богатых“. Если капиталисты города бесились от жиру, то рабочие говорили: „не до жиру, быть бы живу“.

Зарботки из месяца в месяц сокращались. В 1913 г. квалифицированный и опытный рабочий получал в год 142 рубля, а в 1916 г. всего 126 рублей. Другими словами, фабриканты платили своим рабочим столько, сколько нужно было для того, чтобы только не умереть с голода. Ивановские ткачи нередко о своих заработках с горечью говорили: „Мы так много получаем, что и сыт не будешь, и с голоду не умрешь“.

Фабрики были настоящим адом для трудящихся города. Рабочий день продолжался 12—14 часов. В связи с введением так называемой „мобилизации промышленности“ на фабриках и заводах фактически установилось крепостное право.

Были отменены все законы и положения по рабочему вопросу, перестал действовать Устав об охране промышленного труда. Обращение с рабочими было грубым, администрация и фабриканты практиковали физическое избивание рабочих, мордобитие. Особенно хамским и диким было отношение к женщинам. От женщин-работниц на фабриках требовали не только их рабочие руки, но и их тело. В большевистском жур-

¹ Даты даются по новому стилю.

нале „Наше слово“, издаваемом в г. Кинешме, автор заметки о порядках на иваново-вознесенской фабрике „Н.-Гарелина и сыновья“, писал: „От женщины-работницы у нас требуют не только ее рабочие руки, но и требуют гнусные старикашки мастера ее душу, ее тело“.¹ Фабрикант Щапов избил и уволил с работы работницу Смирнову только за то, что последняя на него косо и без улыбки поглядела. Сколько загублено жизнью молодых фабричных девушек! И все это сходило с рук, не замечалось, становилось „нормой“ и хозяйским обычаем.

На фабриках и заводах отсутствовала необходимая техника безопасности, в результате чего росли увечья рабочих. В одной из рабочих частушек очень метко и правдиво говорилось о том, что

Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ...

Рабочие работали в самых антисанитарных условиях, в страшной духоте и сырости. Вот один из многочисленных примеров: в июле 1915 г. иваново-вознесенский фабричный инспектор 11-го участка писал старшему фабричному инспектору Владимирской губернии о том, что 11 июля на ситцевой фабрике А. Гандурина с братьями внезапно заболело 14 работниц. Женщины находились в состоянии крайней слабости, они жаловались на страшную головную боль, а некоторые из них потеряли даже сознание. По мнению фабричного врача Романова, данная болезнь явилась следствием высокой температуры воздуха и духоты в помещениях. Подобные факты имели массовый характер.

В газете „Правда“ еще до войны, в 1912 г., следующими словами описан каторжный труд рабочих на фабрике И. Гарелина: „Мы думаем, что мы близки к аду и фабричная администрация нас скоро будет поджаривать на медленном огне. Нет времени взглянуть на свет среди пуху и пыли в нашем прядильном корпусе. Душа больше не принимает и без того засохший хлеб. Мы его уносим обратно. Идя с работы, еле тащим ноги. Стали все чаще и чаще повторяться случаи падения в обморок за машинами“².

¹ „Наше слово“, 1917, № 4—5.

² „Правда“, 1912, № 134.

Рабочим запрещалось даже жаловаться. Им грозили, снижали заработки, штрафовали, а иногда совсем рас считывали и записывали в „черные списки“. Ивановский „меценат“ фабрикант Д. Бурылин, который пытался оставить о себе славу „доброго“ и „мягкого“ к рабочим человека, уволил четырех рабочих только за то, что они сообщили в губернию о плохом медицинском обслуживании на фабрике. Бурылин не посчитался с тем, что эти рабочие были выбранными членами больничной кассы. Он не обратил внимания и на то, что авторы письма не имели взысканий и штрафов. Даже правящие круги в губернии были вынуждены „осудить“ Бурылина за „нетактичный“ акт, который, по их мнению, может вызвать много хлопот в городе и даже создаст „террор среди рабочих со всеми нежелательными последствиями“.

В период войны еще более ухудшилось бытовое положение трудящихся города. Квартиры и дома приходили в ветхость, не ремонтировались, отапливались нерегулярно. Еще за два года до войны большевистская газета „Правда“ писала о жилищных условиях иваново-вознесенских текстильщиков. „Квартирный вопрос в городе имеет необычайную остроту. В особенности остра квартирная нужда в кварталах, населенных фабричными рабочими. Рабочему приходится ютиться буквально в каких-то берлогах, переполненных сверх всякой меры. Тип „рабочей квартиры“—трехоконная изба размером 7×7 аршин; в такой квартире селится от 10 до 12 человек, а иногда и больше. С вечера вся мебель—столы, стулья, скамьи выносятся из комнаты в общую кучу в одном из углов. На полу на ночь расстилаются половики, одеяла, носильное платье, и на эти импровизированные (не предназначенные для этой цели) постели ложатся рядом квартиранты, оставляя только посредине комнаты узкий проход. Спят вповалку, кто где попал, мужчины и женщины, больные и здоровые... Немудрено, что при таких квартирных условиях в рабочих кварталах Иванова, в Рылихе, на Ямах, на Графской земле не переводится тиф, скарлатина, корь. От чахотки здесь умирает около 1000 человек.“¹

¹ „Правда“, 1912, № 83.

Свое существование в „рабочих каморках“ рабочие сравнивали с собачьей жизнью. В рабочих поселках в воскресные дни нередко раздавались голоса:

В каждой штук по десять—двадцать,
Как в собачьей конуре,
Зимой спим мы на полатах,
Летом часто на дворе.

Не отставали от фабрикантов в эксплуатации текстильщиков Иваново-Вознесенска и местные торговцы-спекулянты, купцы куражовы, латышовы, кузнецовы, соколовы, кашинцевы, мясниковы, силантьевы и другие, которые втридорога вздували цены на муку, крупу, соль, сахар, масло, одежду, обувь и другие товары массового потребления. Уже в первый год войны цены на муку были повышены в два раза, на крупы—в три раза, на мясо—в три раза, на соль—в пять раз, на овес—в десять раз и т. д.

Торговцы хлебом для того, чтобы держать цены на высоком уровне, искусственно вызывали перебои в торговле мукой, крупами, сахаром, солью, керосином, спичками; продавали хлеб в других городах и селах; прятали продовольственные запасы.

Вот что писал об этих „благодетелях“ города их же друг и покровитель царский бюрократ, губернатор Владимирской губернии: „Главным регулятором цен на предметы продовольствия не только для города Иваново-Вознесенска, но и для значительной части Шуйско-Ивановского фабричного района являются исключительно две крупные торговые фирмы „братьев Куражовых“ и „братьев Латышовых“. Эти две фирмы, как мне удалось документально выяснить, имея громадные запасы хлеба, приобретенные по их личному заявлению в частном совещании с представителями города, по цене от 65 коп. и не выше 1 руб. 20 коп. за пуд, искусственным путем повышали цену за пуд, а равно умышленно с той же целью для уменьшения запасов хлеба в городе не предъявляли полученные от городской управы удостоверения начальнику станции Кинешма для получения вагонов для погрузки муки, уверяя городскую управу, что вагонов не дает начальник станции в Кинешме. В то же время Куражовы и Латышовы не переставали продавать в другие губер-

нии хлеб, разрешенный по моим ходатайствам к вывозу из Пермской и Уфимской губерний, для снабжения им исключительно Ивановского района."¹

Таким образом, в годы войны еще более углубилась пропасть между буржуазией и рабочим классом. Для первых война явилась источником наживы новых богатств и роскоши, для вторых она была омутом страданий и нищеты. Особенно страдали от голода, холода и разорения рабочие семьи, единственные кормильцы которых были взяты на фронт.

Пропасть нищеты и бедствия углублялась с каждым днем. В широких слоях народа зрело недовольство существующими порядками в стране.

Дороговизна жизни и нужда стали возмущать не только массы рабочих, но и остальное трудящееся население города.

Варварские формы эксплуатации рабочих, растущая дороговизна, перебои в торговле, в соединении с нестерпимым полицейским режимом способствовали росту стачечного движения. Текстильщики Иваново-Вознесенска и Иваново-Вознесенского промышленного района вновь поднимаются на революционную борьбу за свои права против грабительской войны и буржуазно-помещичьего строя.

В конце 1914 г. и в первой половине 1915 г. снова возникают массовые экономические стачки в Иваново-Вознесенске, Шуе, Кинешме, Вичуге, Кохме, Тейкове и других местах. Уже за первые полгода войны в Иваново-Вознесенске произошли три стачки. От экономических стачек рабочие постепенно переходят к политическим стачкам и демонстрациям.

В октябре 1914 г. возникла забастовка рабочих машиностроительного завода Калашникова. Машиностроители решительно выступили против удлинения рабочего дня и введения новых правил внутреннего распорядка, которыми отменялся перерыв для утреннего завтрака. Забастовка закончилась победой рабочих.

В январе 1915 г. бастовали рабочие Иваново-Вознесенской мануфактуры. Одной из причин данной стачки явился негодный ремонт станков, вызывавший частые простои в работе, что уменьшало заработки рабочих.

¹ „Исторический журнал“, 1940, № 10, стр. 118.

Другими причинами забастовки были: недовольство директором фабрики и его помощником, которые занимались рукоприкладством и постоянно грубили; неплата за перемер в кусках; плохая вентиляция на фабрике и увольнение без достаточных оснований одного помощника мастера. Забастовка продолжалась два дня и закончилась частичным удовлетворением требований бастующих.

В феврале 1915 г. вспыхнула стачка на фабриках товарищества мануфактур Ясюнинских в г. Кохме. В стачке приняло участие свыше 2600 рабочих. Причины стачки: понижение расценок работ и рост цен на продукты питания в лавках общества потребителей при фабриках. Стачка продолжалась несколько дней. Она захватила первые дни марта. Рабочие упорно стояли на своем. Фабриканты отказывались удовлетворить требования рабочих. Однако, выдержка рабочих, их воля и непреклонная решимость бороться за улучшение своей жизни заставили фабрикантов уступить: заработная плата была повышена на 10%.

Частичный успех имели стачки рабочих на фабриках Дербенева в Иваново-Вознесенске, Каретникова — в Тейкове и др.

В конце апреля и начале мая в Иваново-Вознесенске бастовали рабочие на фабриках И. Гарелина, Дербенева, Н. Гарелина, Куваева, Константинова и др. На Куваевской фабрике во время одной стачки рабочие вывезли на тачке в соляном куле заведующего фабрикой Смирнова и некоторых реакционно-настроенных мастеров. (Бастующие рабочие тогда обычно применяли этот приём для борьбы с штрейкбрехерами — предателями, изменниками.) На этот раз в тачку угодили директор фабрики и его сподручные.

8 июня (по ст. ст. 26 мая) 1915 г. в Иваново-Вознесенске началась всеобщая экономическая стачка (так называемая „мучная стачка“).

Почти все фабрики и заводы приостановили работу. Эта стачка явилась результатом стихийного напора масс города, результатом рвущегося на улицу возмущения рабочих-текстильщиков против голода, разрухи и войны.

Стачкой руководил стачечный комитет, выбранный из наиболее активных рабочих революционеров.

Требования рабочих:

1. Повысить заработную плату на 25—30%.
2. Не производить вычетов из заработной платы в дни забастовок и не увольнять с работы выбранных в стачечный комитет.
3. Не допускать на работе грубого обращения с рабочими.
4. Урегулировать торговлю хлебом и другими продуктами питания.
5. Ввести твердую таксу цен на продовольствие и др.

Десятки тысяч рабочих, руководимых большевиками, демонстрировали свою сплоченность на площадях и улицах города. Четыре дня продолжались митинги и демонстрации. Традиционным местом сбора бастующих была площадь у здания городской управы (ныне Площадь Революции).

На второй день стачки в г. Иваново-Вознесенск примчался владимирский губернатор с большой оравой жандармов и сыщиков. Вот что рассказывал о встрече с этим высокопоставленным сановником-бюрократам один из активных участников стачки А. Андрианов:

„На площади перед бывшей городской управой собралась многотысячная толпа рабочих.

Полиция, жандармы, казаки, надзиратели, шпики с утра шныряли на площади. Как только появился губернатор, окруженный своей свитой, из толпы раздались крики: „хлеба, хлеба!“. Губернатор заявил, что он со всеми разговаривать не будет, и предложил выбрать делегатов. Рабочие на это ответили общим гулом: „Мы вам уже не раз выбирали представителей, потом вы их арестуете“ и наотрез отказались от выбора. Рабочие возмущенно кричали: „Хлеба, хлеба!“ Через час выходит городской голова и от имени губернатора снова делает предложение выбрать делегатов. Из толпы раздаются крики: „Вы их арестуете!“. Тогда губернатор из окна городской управы сам обратился к рабочим и дал торжественное обещание, что делегаты не подвергнутся никакой каре.

Руководитель стачки Егор Степанович Зиновьев предложил губернатору дать письменную гарантию в том, что делегаты не будут арестованы. Это требова-

ние губернатором было удовлетворено. Рабочие выбрали делегацию, которая направилась в городскую управу для переговоров¹.

Рабочая делегация состояла почти из ста человек. Руководителем делегации был избран страстный революционер-большевик Егор Степанович Зиновьев. Долго шли переговоры. Рабочих запугивали, им грозили арестом, ссылкой, но сломить их волю не удалось. Фабриканты и торговцы были вынуждены пойти на некоторые уступки. Губернатор издал обязательное постановление о понижении цен на продукты питания. На ряд продовольственных товаров была установлена твердая такса, предусматривающая снижение цен на отдельные продукты от 20 до 40%. В город завезли несколько вагонов муки.

Однако эта победа была частичной и временной. Такса купцами систематически нарушалась, а цены опять поднимались. Торговые фирмы приступили к вывозу скрытых продовольственных запасов из Иваново-Вознесенска в другие города, где такса на цены не вводилась.

Голод попрежнему терзал рабочих. Рабочие и работницы города с горечью в сердце и нередко со слезами в глазах говорили: „вместо хлеба дали камень“.

Часть выбранных делегатов вскоре была арестована. Произвол фабрикантов на фабриках не только продолжался, но даже усилился. Городская полиция и жандармерия установили настоящий режим террора. Для борьбы с „крамолой“ городские власти широко применяли „отправку недовольных на фронт“. Достаточно было сказать слово протеста против существующих порядков, против тяжелых условий труда или дороговизны, как хозяин или мастер брали „провинившегося“ на заметку и отправляли или в тюрьму, или в „маршевые роты“ на фронт.

Но никакие репрессии не могли сдержать народного гнева и возмущения, роста революционной энергии иваново-вознесенских ткачей. Волна революционного движения вновь стала и расти.

Если в 1914 г. в Ивановском промышленном районе произошло 20 стачек, то в 1915 г. количество стачек возросло до 155.

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 402, л. 1.

В 1915 г. Россия вплотную приближалась к новой революции. В. И. Ленин в этом году сделал всемирно-историческое открытие — закон неравномерного развития капитализма в период империализма. В. И. Ленин впервые выдвинул вопрос о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране.

Товарищ Сталин в связи с этим открытием великого Ленина говорил: „Вы видите, что вопрос об „организации социалистического производства“ ставился Лениным уже в 1915 г., на пороге буржуазно-демократической революции в России, в период империалистической войны, когда вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую стоял на очереди“.¹

II

Всей борьбой иваново-вознесенских рабочих руководила местная организация большевиков, являвшаяся боевым отрядом партии Ленина — Сталина с самого начала ее возникновения.

В период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. иваново-вознесенские большевики работали под непосредственным руководством верного ученика и соратника В. И. Ленина и И. В. Сталина — Михаила Васильевича Фрунзе, „одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени.“²

Фрунзе был организатором Иваново-Вознесенской окружной организации большевиков, а затем Иваново-Вознесенского союза РСДРП, который охватывал весь Иваново-Вознесенский промышленный район.

С февраля 1907 г. и до конца 1914 г. М. В. Фрунзе сидел в каторжных тюрьмах (Владимирской, Николаевской и Александровской), а затем был сослан в Верхотенский уезд, Иркутской губернии.

В августе 1915 г. Фрунзе сбежал из ссылки и работал нелегально в Забайкальской области, а потом в Белоруссии.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 31.

² Там же, т. 7, стр. 250.

Иваново-вознесенские большевики безраздельно стояли во главе рабочего движения в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Меньшевики не имели своей организации в Иваново-Вознесенске и не оказывали почти никакого влияния на рабочих.

В 1913 г. царское правительство нанесло тяжелый удар по партийной организации Иваново-Вознесенска. Около 50 лучших активистов, руководителей городского комитета партии, фабрично-заводских ячеек, было арестовано и посажено в тюрьму. 25 человек было отправлено в ссылку в Сибирь и отдаленные места севера европейской части России. Но несмотря на эти репрессии, большевистская организация города продолжала жить и бороться.

В начале 1914 г. связи между партийными ячейками предприятий города вновь восстановились, хотя еще не удалось их наладить с Центральным Комитетом РСДРП.

В январе 1914 г. депутат IV Государственной думы, старый большевик, иваново-вознесенский рабочий-текстильщик Ф. Н. Самойлов прислал в социал-демократическую организацию Иваново-Вознесенска революционную литературу: Устав и Программу партии, свыше 15 экземпляров большевистской газеты „Социал-Демократ“. В апреле этого же года в Иваново-Вознесенск приезжал другой депутат Думы большевик рабочий-ткач Н. Р. Шагов, который предполагал собрать большевиков города и сделать доклад о работе социал-демократической фракции в Думе. Однако ввиду полицейской слежки доклад ему сделать не удалось. Он ограничился беседой с отдельными большевиками.

В июле 1914 г. за городом, в районе Глинищева, состоялась городская конференция, которая приняла решение усилить агитацию среди рабочих и провести сбор средств для бастующих рабочих в с. Родниках.

В августе 1914 г. началась первая мировая империалистическая война. Еще задолго до начала войны большевики предвидели ее неизбежность, хотя она и подготавливалась империалистическими правителями в глубокой тайне. В. И. Ленин говорил, что войны — неизбежный спутник капитализма.

С первых дней войны большевистская партия разоблачила реакционный, захватнический характер войны.

Партия придерживалась той установки, что война начата не для защиты отечества, как об этом болтали агенты капитализма в рабочем классе — меньшевики, а для захвата чужих земель, для ограбления чужих народов в интересах помещиков и капиталистов.

Большевики Иваново-Вознесенска, руководимые вождями партии и рабочего класса В. И. Лениным и И. В. Сталиным, в тяжелых условиях военного времени продолжали беззаветно бороться за великое дело освобождения трудящихся из-под ига буржуазии и помещиков. Партийная организация города в своей практической работе руководствовалась историческими тезисами о войне, написанными В. И. Лениным и положенными в основу известного манифеста ЦК РСДРП „Война и Российская социал-демократия“.¹

Манифест призывал превратить несправедливую, империалистическую войну в справедливую, гражданскую войну. Социалисты всех воюющих стран призывались выступить за поражение „своих“ правительств в войне. Совершенно другую тактику по вопросам войны, мира и революции занимали „герои“ II Интернационала и русские меньшевики. Они оправдывали агрессивную политику правителей своих стран и поддерживали их. В результате этой предательской, социал-шовинистической линии II Интернационал бесславно распался на отдельные партии, воюющие между собой, „умер, побежденный оппортунизм“.²

Манифест ЦК РСДРП призывал подлинных марксистов разорвать все связи с социал-предателями типа Каутского, Вандервельде, Дана и других, изменивших делу пролетариата. В. И. Ленин выдвинул новую задачу: создать III Коммунистический Интернационал.

Манифест большевистской партии в ноябре 1914 г. обсуждался на партийном совещании в Озерках (близ г. Петрограда). На этом совещании в числе небольшого количества делегатов был представитель Иваново-Вознесенской организации С. А. Воронин.

На третий день работы все участники заседания, в том числе пять большевиков—депутатов Думы, были арестованы. Вскоре был учинен суд над депутатами-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 9.

² Там же, стр. 24.

большевиками Бадаевым, Петровским, Мурановым, Самойловым и Шзговым. Царское правительство обвинило их в „государственной измене“ и отправило в ссылку в Восточную Сибирь.

На этом суде ярко выяснилась вся картина деятельности большевистской фракции в Думе, которая проводила большую работу как в Думе, используя ее трибуну для разоблачения захватнической политики царизма, так и в рабочих массах.

Большевики-депутаты Государственной думы держали тесную связь с Иваново-Вознесенской большевистской организацией.

Так, накануне совещания большевиков в Озерках Иваново-Вознесенск посетил Ф. Н. Самойлов. Он оказал большую помощь большевикам города в овладении марксистско-ленинской теорией и тактикой по вопросам войны, мира и революции. Самойлов принял ряд серьезных мер по налаживанию всей партийно-политической работы в Иваново-Вознесенском промышленном районе, по установлению действенных связей с Центральным Комитетом большевистской партии. Вот что он пишет в своей книге „По следам минувшего“: „Вернувшись в Россию (после поездки за границу, — Ф. П.), я поехал в Иваново-Вознесенск. Социал-демократическую организацию я нашел там почти совсем разгромленной. Большинство ее старых видных членов находилось в тюрьмах и в ссылке. Работали в организации главным образом новые люди“.¹

Ф. Н. Самойлов, разыскав несколько товарищей, созвал собрание членов социал-демократической организации, на котором сделал доклад о текущем политическом моменте. „На собрании, — пишет Самойлов, — выяснилось, что, несмотря на почти полную оторванность организации от руководящих партийных центров, иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали вполне определенную позицию, выражавшуюся в лозунге „война войне“. Классовым чутьем пролетариев они нащупали правильный путь и стали на него еще в первые месяцы войны“.²

Многое сделала в деле восстановления и улучшения

¹ Ф. Н. Самойлов. „По следам минувшего“, изд. 2-е, стр. 282.

² Там же.

партийной работы в г. Иваново-Вознесенске профессиональная революционерка Вера Коровайкова.

В феврале 1915 г. в Иваново-Вознесенске вновь был воссоздан городской партийный комитет, который находился на нелегальном положении. 5 апреля 1915 г. близ села Богородское состоялось городское партийное собрание, на котором были заслушаны и обсуждены доклады о партийной работе в городе и настроении рабочих-текстильщиков, о задачах партийной организации на предстоящий период. Собрание одобрило устав городской партийной организации и решило всячески усиливать распространение нелегальной партийной литературы и установить связи с социал-демократическими группами в Родниках, Лежневе, Кохме, Тейкове и в других рабочих поселках.

Городской комитет партии решил также установить связи с партийными организациями Костромской, Ярославской, Московской и других губерний.

6 апреля 1915 г. начальник Владимирского губернского жандармского управления в донесении губернатору о политическом положении в губернии вынужден был признать следующее:

„...По данным вверенного мне управления видно, что в районе Владимирской губернии функционирует революционная организация Российской социал-демократической партии, более интенсивная работа которой наблюдалась и наблюдается в следующих пунктах: в гг. Владимире, Иваново-Вознесенске, Шуе, Коврове, Муроме и Александрове; в фабричных пунктах Гусь-Хрустальном, Орехове, Тейкове, Кохме и на судостроительной верфи в селе Липис, Муромского уезда“. И далее: „Что касается деятельности других противоправительственных организаций, как-то с.-р. (социал-революционеров, — Ф. П.), анархистов, бунда и др., то таковые за означенный год в губернии не проявлялись“...¹

Большевики города развернули активную деятельность по организации массовок, распространению листовок и прокламаций, проведению экономических стачек.

¹ Сб. „Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции“, Ивановское обл.стное государственное издательство, 1947, стр. 35 — 36.

С ранней весны 1915 г. почти на каждое воскресенье или на какой-либо другой день отдыха городская партийная организация устраивала массовки в лесу за городом.

Массовки рабочих всегда проходили по заранее намеченному большевиками плану. По установленному паролю рабочие массы направлялись один за другим в лес. Обычно они устраивались в следующих местах: по направлению к дер. Ясюнихе, в районе Кохмы, за дер. Афанасово, по правому берегу р. Талки и по Елюнинской дороге. Численностью массовки доходили до нескольких сот человек. Устройство массовок происходило строго конспиративно.

Рабочие массовки сыграли огромную роль в политическом просвещении трудящихся города, в их революционной закалке, в разоблачении квасного патриотизма буржуазии и ее агентуры в лице меньшевиков.

„Хорошо памятен день, — писал большевик Царьков, — в который первым политическим лозунгом был выдвигнут лозунг: „Война войне“. Красное полотнище, протянутое от одного дерева к другому, ярко отчеканивало эти роковые для империалистов слова“.¹

Важным событием в истории партийной организации Иваново-Вознесенска явилась областная партийная конференция в июле 1915 г.

Конференции предшествовала большая подготовка. Был создан временный Иваново-Вознесенский организационный комитет, в работе которого активное участие принимали следующие большевики-подпольщики: И. И. Черников, И. И. Соловьев и др.

На конференцию были приглашены представители партийных организаций Кинешмы, Вичуги, Родников, Тейкова, Коврова, Ярославля, Костромы и других городов и рабочих посёлков. Член партийного комитета И. И. Черников под видом коробейника, торговца мелким разнородным товаром, объездил почти все города и рабочие поселки Иваново-Вознесенского промышленного района. Однако к назначенному сроку собралось всего лишь 18 человек.

Конференция открылась 24 июля 1915 г. в лесу по

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 412, л. 2.

Елюнинской дороге (в районе Кохмы). На повестке дня конференции стояли следующие вопросы:

1. Доклады с мест (учет местной работы).
2. Текущие события и тактика борьбы.
3. Разработка плана действий в предстоящий период.
4. Организационный вопрос.

Делегаты конференции в своих выступлениях указывали на рост политической сознательности рабочих, приводили примеры и факты о возмущениях рабочих, выступлениях текстильщиков против голода и холода, разрухи и войны. Делегат от Родников заявил, что народ жаждет политической стачки. Делегаты из Вичуги указывали на рост антивоенного движения в городе.

Конференция постановила усилить политическую работу в рабочих массах, организовать массовки, стачки, манифестации.

Был принят Устав Иваново-Вознесенской социал-демократической организации и резолюция от имени „Северного района Российской с.-д. рабочей партии“. В резолюции указывалось на необходимость принятия самых энергичных мер для возбуждения масс, вести агитацию за стачки рабочих, за вооруженное восстание с целью свержения царского правительства; „придерживаться требований программы-минимум“¹ РСДРП.

Конференция избрала временный Областной Комитет, которому поручила известить о принятых решениях все социал-демократические организации и группы Иваново-Вознесенского промышленного района и добиться присоединения их к этим решениям.

В чем состоит значение конференции?

Во-первых, она установила тесные связи между социал-демократическими организациями и группами Иваново-Вознесенского промышленного района.

Во-вторых, конференция наметила конкретный план борьбы за выполнение программы большевистской партии.

После конференции работа социал-демократических организаций города и области заметно активизировалась. Ее решения обсуждались на партийных собраниях Кохмы, Середы (ныне г. Фурманов), Вичуги и др.

Усилилась политическая работа на фабриках, за-

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 389, л. 14.

водах, на транспорте. Даже полицеймейстер г. Иваново-Вознесенска в агентурном сообщении владимирскому губернатору с тревогой сообщал: „...после упомянутой конференции в Иваново-Вознесенске брожение среди рабочих стало заметно прогрессировать. В рабочих кругах, в связи с военными неудачами, приписываемыми отсутствию снарядов, стали поговаривать об устройстве забастовок в целях понуждения правительства к прекращению войны.

26 июля (по ст. ст.) в лесу, на расстоянии 7—8 верст от города Иваново-Вознесенска, близ деревни Горино, Шуйского уезда, состоялось собрание рабочих, на котором обсуждался вопрос о забастовке.

На этой сходке между местными фабричными рабочими последовало соглашение о прекращении в недалеком будущем работ на всех фабриках с предъявлением сначала к фабричной администрации разного рода требований экономического характера, а затем уже требования о прекращении войны¹.

Усилилась агитационная работа среди солдат. В местном гарнизоне активную деятельность по политической работе среди солдат развернул большевик Краснов.

В Иваново-Вознесенске назревала политическая стачка. И это понятно, потому что чаша терпения, нужды и страданий была переполнена. Гнев возмущения усиливался ростом дороговизны и систематическими перебоями в торговле хлебом.

Обстановка в городе была настолько накаленной, что массы текстильщиков ждали только сигнала к выступлению.

Полицейский надзиратель на фабрике Гандурина в одном из своих донесений в охранку сообщил о том, что на фабрике идут слухи о предстоящей забастовке всех фабричных рабочих. Забастовка,—продолжал этот холоп,—очевидно будет с политической революционной окраской.

Подобная картина наблюдалась на всех фабриках и заводах города.

Начальник Костромского жандармского управления в начале августа 1915 г. в своем донесении в Петербург сообщал, что „в настоящее время инициатива воз-

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 231, д. 389, л. 22.

мушения рабочих масс текстильного района Костромской губернии несомненно идет из Иваново-Вознесенска, где, повидимому, усилилась группа активных работников".¹

В первых числах августа 1915 г. в Иваново-Вознесенске повсюду была расклеена и разбросана листовка под заголовком „Что делать?“ Вот ее содержание:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, вот уже год, как земля захлебывается в нашей крови. Подкошены миллионы цветущих жизней, разорены целые края и народности. Калеки, как привидения, плетутся на каждом шагу, а голод протягивает к рабочим свои костлявые руки. Да это все еще не конец. Буржуазия усиленно мобилизуется.

На вновь открытых земским и городским союзами мастерских и заводах готовятся новые смертельные орудия и снаряды. В ряды войск призываются 18-летние юноши, а за ними последуют ратники ополчения 2 разряда. Подготавливается новая бойня, новый год кровавых жертв". Далее в листовке разоблачается грабительский характер войны. „Настоящую войну мы должны стремиться всеми силами превратить в гражданскую войну. Задача момента — не совместная работа с правительством и буржуазией под знаменем защиты отечества, а укрепление своей нелегальной организации, объединение всех своих сил для решительной борьбы с царской монархией.

Товарищи, пусть же наша кровь прольется за наше рабочее дело, за освобождение труда, за свободу. На призыв буржуазии сплотиться и позабыть народную рознь мы ответим новой борьбой с ней; на натравливание народностей — международным лозунгом: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Довольно братской крови!

Долой царскую монархию!

Да здравствует революция!

Да здравствует демократическая республика!

*(Тверская группа РСДРП)*²*

Центральный Комитет партии большевиков, В. И. Ленин и И. В. Сталин внимательно следили за ростом народной революционной волны в Иваново-Вознесенске.

¹ Ивановский (областной партийный архив, ф. 281, д. 390, л. 22.

² Там же, ф. 281, д. 384, л. 9—13.

Они повседневно направляли работу иваново-вознесенских большевиков. Для усиления работы городской партийной организации из Москвы был прислан профессиональный революционер В. Н. Наумов.

В. И. Ленин в своем „Воззвании о войне“, написанном им в августе 1915 г., писал: „Все сознательные рабочие России стоят на стороне Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе (Петровского, Бадаева, Муранова, Самойлова и Шагова), которые сосланы царизмом в Сибирь за революционную пропаганду против войны и против правительства. Только в такой революционной пропаганде и революционной деятельности, ведущей к возмущению масс, лежит спасение человечества от ужасов современной войны и грядущих войн. Только революционное свержение буржуазных правительств, и в первую голову самого реакционного, дикого и варварского царского правительства, открывает дорогу к социализму и к миру между народами.“¹

В. И. Ленин видел спасение человечества от ужасов войны в усилении социал-демократической работы в массах. Ивановские большевики, руководствуясь этими указаниями вождя рабочего класса, смело вели текстильщиков города на новые классовые битвы. Они показывали пример беззаветного служения делу рабочего класса всем большевистским организациям и группам Иваново-Вознесенского промышленного района.

III

В ночь на 21 августа 1915 г. Иваново-Вознесенским комитетом партии была назначена очередная массовка. Это был крайний, субботний, день. После работы, вечером, большевики и беспартийные рабочие-революционеры, близко стоящие к партии, в одиночку и небольшими группами собирались за городом, в лесу около дер. Ясюниха. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Все ожидали и готовились к крупным политическим событиям. Однако пробираться к назначенному месту было трудно. В этот вечер, как никогда, всюду

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 4-е, стр. 335.

шныряли полицейские и шпики, а на опушке леса, за Сластихой, разъезжал усиленный наряд казаков, „фараонов“, как их прозвали ивановцы.

Но ничто и никто не мог остановить участников предстоящего митинга. Все они были полны решимости обсудить и наметить пути дальнейшей борьбы.

Собралось около 500 человек. Вскоре все узнали о том, что на митинг придет кто-то из большевиков Москвы и что его пошли встречать два товарища. Стали терпеливо ожидать их прибытия. Наконец они пришли вместе с В. Н. Наумовым, привезшим из Москвы свыше пяти тысяч прокламаций.

Митинг открылся. С первой речью о внутривнутриполитическом положении в стране и задачах рабочего движения выступил Наумов. Он говорил о том, что конца войны не видно, но уже сейчас нет слов, которые могли бы выразить те страдания, которые обрушились на народ. Каждый день войны является страшным преступлением кучки богачей над миллионами простых людей, которые проливают кровь, гибнут десятками тысяч на полях сражений.

В период первой мировой империалистической войны ежедневно гибло до 20 тысяч человек. Каждый день этой кровавой бойни стоил не менее 150 миллионов рублей одних военных расходов.

Наумов призвал иваново-вознесенцев спланировать революционные ряды, готовиться к решительным боям против царизма за мир и свободу, за осуществление основных „неурезанных“ лозунгов партии — восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Один из участников массовки, вспоминая момент открытия митинга, писал: „...при появлении Наумова на трибуне на массовке не было границ радости и восторга среди присутствующих. Под гром аплодисментов, перед светом горящих костров появился с горячей речью совсем невзрачный, небольшого роста человек и, несмотря на свою усталость, он говорил долго, красиво и внятно о войне, о задачах рабочего класса“¹.

Главным вопросом, обсуждавшимся на массовке,

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 412, л. 5-

был вопрос о предстоящей политической забастовке. Начинать или выждать более подходящий момент для стачки, — вот что волновало всех присутствующих. Предложения были разные. Одни предлагали немедленно объявить стачку, прекратить работу на всех предприятиях города. Другие говорили о том, что надо подождать и связаться с другими социал-демократическими организациями.

После продолжительной дискуссии было решено: пока забастовки не начинать, если же городские власти будут производить аресты, то ответить на них в виде протеста всеобщей однодневной стачкой.

На рассвете, около 3-х часов утра, 22 августа, участники массовки разошлись по домам. Этим же ранним утром в городе были расклеены прокламации, привезенные из Москвы. Жители города их читали и на фабричных воротах, и на заборах в Сосневе, Рылихе, на домах центральных улиц города, в Глиннице... Одна листовка была даже вывешена у самого носа спящего в будке городского на Соковской улице, который, проснувшись, безуспешно гнался за рабочим, ругая его „чортовой крамолой“.

Это было воззвание Иваново-Вознесенского комитета большевиков. В нем говорилось:

„Товарищи рабочие и солдаты! Братоубийственная война все разрастается да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и работоспособного, принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Льются слезы вдов, сирот и матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят всюду... На убой отправляют последних работников, кормильцев семей.

Но для чего все это? За что пролито это море народной крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу—борьбу классовую, лишь одного врага—буржуазию.

Так кому же была нужна война?

Буржуазии. Это война—борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке. И вот, пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии, сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоят на страже интересов той же буржуазии и расправля-

ются с внутренним врагом — сознательным пролетариатом. Сибирские тундры и тюрьмы переполнены. Туда загнали представителей народа, туда все еще тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей¹.

Воззвание призывало рабочих Иваново-Вознесенска и солдат гарнизона взять оружие и повернуть его против буржуазии, „превратить буржуазную войну в гражданскую“, „смести всех палачей, от царя и министра до урядника“ и на развалинах деспотизма „водрузить знамя свободы, мира и братства народов“.

„И теперь время упускать нельзя. Так будем же помнить об этом, товарищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим товарищам, будем сплачиваться в нелегальные организации вокруг Красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем по приказу правительства оружие на товарищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удачном случае против нашего настоящего врага — правительства — превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну, в революцию“.

Воззвание заканчивалось следующими словами: „Рабочие и солдаты! Преступление упускать время. В наших руках лучшая жизнь, свобода и право. Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир, за свободу“².

Правда, лозунг вооруженного восстания тогда не выдвигался как практическая задача предстоящих дней. Наша партия никогда не играла с лозунгом восстания. Тогда еще не было необходимых условий для его проведения. Одним из важнейших методов классовой борьбы того периода была политическая стачка, а стачка — это школа гражданской войны, а не сама война.

Жандармерия и полиция города узнали о состоявшейся массовке в этот же день. Провокатор Никифор Чугунов подробно сообщил охранке о вопросах, обсуждаемых на митинге и принятых решениях. 22 августа

¹ Сб. „Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции“, Изгиз, 1947, стр. 38—39.

² Там же, стр. 39.

полицеймейстер Авчиников в рапорте губернатору Крейтону докладывал, что хотя на массовке и не было принято никакого окончательного решения, „но ораторы советовали рабочим объединиться и быть готовыми к зову Центрального Комитета. По окончании собрания рабочие пропели три революционные песни („Марсельеза“, „Зима холодная настанет“ и третья неизвестная). В честь павших своих товарищей по идее снимали фуражки. На уплату за печатание прокламации рабочие собрали между собой 15 руб. 60 коп.“¹

Днем 22 августа на р. Талке было проведено собрание организаторов фабрично-заводских партийных ячеек. Но и об этом собрании провокатор Чугунов сообщил в охранку, которая уже давно готовилась к расправе над рабочими.

В ночь с 22 на 23 августа в городе были произведены массовые обыски и аресты. Были арестованы и посажены в тюрьму В. Н. Наумов, И. И. Черников, Е. С. Зиновьев и другие члены городского комитета партии, а также ряд активных большевиков-подпольщиков и бескорыстных революционно-настроенных рабочих. Всего было арестовано 19 человек.

У ряда арестованных были найдены и отобрааны Устав и Программа РСДРП(б), революционная литература, листовки.

Так большевистской организации города был нанесен новый тяжелый удар.

Но все попытки обезглавить движение рабочих города, расстроить их ряды, охладить революционный пыл не удалось. Наоборот, буря революционного возмущения этими репрессивными мерами была приближена.

Ввиду массовых арестов, той же ночью, с 22 на 23 августа, на совещании активистов городской партийной организации был избран новый руководящий коллектив городской партийной организации. С помощью фабричных организаторов большевики быстро оповестили о случившемся рабочих. Текстильщики города призывались прекратить работу, объявить однодневную стачку и выступить в защиту арестованных. Следовательно, атмосфера в городе еще более накалилась.

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 389, л. 77

Городские власти для „охраны порядка“ в городе мобилизовали казаков, полицию, черносотенцев. Начальник воинского гарнизона полковник Смирнов привел в боевую готовность воинскую часть, расквартированную в городе. Неблагонадежные солдаты им были заперты в казармах и поставлены под усиленный надзор. С утра 23 августа по всему Иваново-Вознесенску и особенно в центральных районах были расставлены воинские заставы и патрули, разъезжали казачьи разъезды. Воинские заставы расположились около тюрьмы, здания городской управы и в других местах. Все было готово для того, чтобы пролить рабочую кровь. Из Владимира были получены секретные инструкции о применении оружия в случае попыток освобождения арестованных или даже простого неповиновения рабочих местным властям.

Еще 20 августа вице-губернатор Ненароков в телеграмме на имя иваново-вознесенского полицеймейстера угрожающе писал: „Предлагаю Вам широко оповестить фабричных рабочих и все население города Иваново-Вознесенска, что мною будут приняты самые энергичные меры к недопущению беспорядков. Пусть всякий знает, что в подавлении беспорядков я не остановлюсь принять самые крайние меры“.¹ Это был фактически открытый приказ подавить силой оружия всякое выступление рабочих города. Текст телеграммы полицейское управление опубликовало 22 августа в черносотенно-монархической газете „Ивановский листок“. (Трудящиеся города прозвали эту грязную газетку „ивановским сплетником“.)

В понедельник 23 (10) августа первыми забастовали рабочие фабрики Грязнова (ныне Сосневская отделочная фабрика). В 10 часов утра они бросили работу, собрались в фабричном дворе и решили идти к центру города. Вслед за ними забастовали рабочие фабрики Витова, железнодорожных мастерских, фабрик Гарелиных, Дербенева, „Компания“, Зубкова, Полушина, Куваева, Ямановского, Фокина, Бакулина, Гандурина, Щапова и др. К середине дня бастовали рабочие всех фабрик и заводов. Всего приняло участие в стачке свыше 25 тысяч рабочих.

¹ „Ивановский листок“, 9 августа 1915 г., № 170.

К трем часам дня многотысячная масса рабочих собралась на площади у городской управы и на Георгиевской улице (ныне Социалистическая улица).

Так началась общегородская политическая стачка в Иваново-Вознесенске. Во главе бастующих рабочих находились большевики.

Рабочие выставили следующие требования:

1. Освободить незаконно арестованных рабочих.
2. Повысить заработную плату, сократить рабочий день и упорядочить взимание штрафных денег.
3. Улучшить снабжение населения города хлебом и снизить цены на продовольственные товары.

В нескольких местах города возникли митинги. Повсеместно раздавались голоса о необходимости вести борьбу за мир; выкрикивались призывы: „Долой войну!“, „Долой самодержавие!“, „Освободить арестованных!“.

На митинг у городской управы был вызван полицеймейстер Авчиников, от которого бастующие настойчиво требовали освободить арестованных. Однако выполнить эти требования полицеймейстер отказался. Рабочие продолжали настаивать.

Наконец, часа через два, из тюрьмы было освобождено шесть человек, в том числе Е. С. Зиновьев.

Стачечников стали разгонять. Тогда огромная масса текстильщиков, руководимая Е. С. Зиновьевым и другими большевиками, направилась к городскому кладбищу для того, чтобы обсудить план дальнейших действий.

С момента освобождения из тюрьмы душой всей массы бастующих текстильщиков Иваново-Вознесенска стал Е. С. Зиновьев. Это был стойкий закаленный большевик, пламенный трибун и прекрасный агитатор.

Не исключено, что царские приспешники, готовившиеся устроить избиение рабочих, учинить им кровавую баню, нарочно освободили Зиновьева. Они надеялись на то, что Зиновьев окажется в передовых рядах рабочих, и, таким образом, без суда и следствия его можно „убрать“, — убить или сослать в ссылку.

Егор Степанович Зиновьев родился в семье бедного крестьянина дер. Козловка, Арзамасского уезда, Нижегородской губернии (ныне Горьковская область). С ранних лет он познал нужду и горе, работая от зари до зари на мироеда-кулака. 16-летним подростком Егор

Зиновьев поступил работать водоливом на баржу одного нижегородского пароходчика. В 1911 г. Зиновьев приехал искать „счастье“ в Иваново Вознесенск. Здесь он поступил работать на фабрику капиталиста Маракушева (ныне фабрика НИМ — Новая Ивановская мануфактура).

Егор Степанович Зиновьев (юношеские годы).

Но жизнь его и в Иваново-Вознесенске оставалась крайне тяжелой. На Ямах он снимал подвальный, темный и сырой, угол, за который платил ежемесячно три рубля. С раннего утра до ночи работал на фабрике. Здесь-то Зиновьев и включился в революционное движение.

В течение четырех лет своей жизни в Иваново-Вознесенске Е. С. Зиновьева не менее семи раз арестовывали. Сажали в тюрьму его и за раздачу прокламаций, и за агитацию в цехах, и за речи на митингах. После арестов увольняли несколько раз с работы. В начале 1915 г. с большим трудом он устроился на фабрику А. Гарелина (ныне фабрика им. рабочего Федора Зиновьева).

Большевик Е. С. Зиновьев в партийной организации города был известен под следующими псевдонимами (партийными кличками): „Федор Медведев“, „Федор“, „Федя“. Зиновьев был одним из тех страстных и самоотверженных борцов, которые всю свою жизнь без остатка отдали делу рабочего класса.

23 августа, сразу же после освобождения из тюрьмы, не заходя домой к семье, Зиновьев пошел на городскую площадь к бастующим рабочим и с этого момента стал во главе их до последней минуты своей жизни.

Собравшись на митинг за городом, на лугу около кладбища (ныне территория соцгородка Ивановского Меланжевого комбината имени Фролова), рабочие около двух часов обсуждали вопрос: что делать? Выслушав всех ораторов, стачечники решили вновь идти к городской управе, вновь хлопотать об освобождении арестованных и требовать принятия конкретных мер для улучшения материального положения трудящихся.

По воспоминаниям очевидцев и рассказам старых большевиков В. П. Кузнецова, А. Андрианова и других вот как стали развиваться события в дальнейшем.

— Часов в шесть вечера на площади у управы собралось до десяти тысяч человек. Опять открылся митинг, снова стали выступать ораторы. Выступили с речами Зиновьев, Коржевин, Соловьев и другие. Однако вместо удовлетворения справедливых требований рабочих, в центр города стали стягиваться новые наряды войск, казаков и полиции. Вдоль здания управы сконцентрировали около роты солдат, выстроенных в две шеренги. Казаки стояли в торговых рядах, около мануфактурного магазина Соколова.

Повсюду суетились полицейские, жандармы, шпионы. Около руководителей стачки был обнаружен переодетый в штатское платье жандарм. Полицеймейстер

приказал немедленно очистить площадь, иначе он применит оружие. Зиновьев, видя, что готовится провокация, громогласно заявил: „Товарищи, за нами шпионят и нас пугают. Но пусть знают, что мы ничего не боимся. Правда на нашей стороне. Я предлагаю сейчас разойтись, а завтра вновь собраться и добиваться своих требований“.

Некоторые рабочие выступили против этого предложения, требовали идти к тюрьме и даже стали обвинять Зиновьева в трусости. Услышав эти несправедливые упреки, Федор Зиновьев изменился в лице, побледнел и от всего сердца сказал: „Нет, товарищи, я не трус. Если вы хотите идти к тюрьме, то я с вами. Будьте спокойны и мужественны. Поидемте!“

Кто-то пустил слух, что полиция хочет увезти арестованных на вокзал и отправить их. Это еще более взволновало рабочих. „К тюрьме! К тюрьме!“ — ото-

Приказной мост.

всюду слышались голоса. И огромная масса народа, как лавина, сначала нерешительно, потом все увереннее и смелее двинулась к Приказному мосту. Шли тесными рядами, плечом к плечу, схватившись рука за руку, словно звенья одной цепи, не страшась никого, так как были уверены в правоте своих требований. Масса народа напоминала темный вал морского прибоя, возникшего под порывами бури.

Старый большевик Тюленев, участник стачки, в статье „Как мы боролись за хлеб и за освобождение товарищей“ писал: „Получивши категорический отказ об освобождении, рабочие, не обращая внимания на то, что их уже окружили войска и желтые казаки, направились от управы на улицу Кокуй (ныне улица 10 Августа,—Ф. П.) к тюрьме, где сидели товарищи. Пошли с голыми руками. Толпа десятков тысяч запрудила все улицы и шла с революционными песнями, не страшась ничего и никого, ибо знала, что шли искать правды. Когда перешли мост, здесь уже стоял взвод солдат, который был готов идти в наступление против рабочих“.¹ Все солдаты (а их было 51 человек) были специально отобраны. Это были сыновья сибирских кулаков, выходцы из купечества и буржуазных семей. Прапорщик Носков подал команду: „ружье“ и выстроил солдат фронтом к мосту. Обращаясь к демонстрантам, Носков истерически закричал: „Стойте, дальше я не пропущу, а если пойдете, то у меня есть приказ стрелять!“ Рабочие не верили и продолжали медленно продвигаться вперед, тем более, что передние ряды подпирались сзади. Не доходя до тюрьмы, когда еще значительное количество людей находилось на Приказном мосту, Зиновьеву и другим руководителям рабочих все же удалось остановить шествие. Е. С. Зиновьев обратился с горячей речью к солдатам.

Он призывал их не стрелять, не выполнять приказ командиров, опустить винтовки. Но солдатские штыки попрежнему были направлены против рабочих. Видя все это, одна женщина, разорвав на себе кофточку, воскликнула: „Ну, нате, стреляйте в грудь, которой я кормлю младенца!“ „Стреляйте, если имеете наглую совесть!“,—воскликнул Е. С. Зиновьев.

¹ „Рабочий край“, 1923, № 187.

Изверг-офицер дал сигнал. Раздался первый залп. Среди рабочих возникли ропот и гул, но их ряды не дрогнули. Повсюду в толпе рабочих и в задних рядах неслись успокаивающие слова: „Не бойтесь, это стреляют холостыми“. Но когда в передних рядах стали раздаваться душераздирающие крики, стон, проклятья в адрес убийц, то стало ясно...

Последовали еще два залпа. Солдаты стреляли почти в упор. Десятки человек были скошены горячим свинцом. Смертельно ранили и незабвенного борца за рабочее дело Федора Зиновьева. Один из участников стачки и очевидцев расстрела, находившийся недалеко от Зиновьева, в своих воспоминаниях пишет: „Памятны мне слова умирающего товарища Феде, который в судорогах успел нам сказать, что он умирает: „прощайте, товарищи...“ На этих словах и закончилась его жизнь. Рядом с ним билась в судорогах женщина с простреленной грудью. Она особенно старалась перед этим уговорить солдат не стрелять.

Стоны и вопли огласили площадь, покрытую дымовой завесой от выстрелов. На смену солдатам, окончившим стрелять, явились желтые казаки, которые принялись доделывать общее дело нагайкой и шашками¹. Казаки, врезавшись в массу народа, с гиком и свистом носились по площади и улицам города, давили и зверски избивали беззащитных и безоружных рабочих. Давили копытами лошадей убитых и тяжело раненых, валявшихся на мостовой, рассекая плетью головы и лица спасающихся рабочих. Полиция, жандармы, казаки хватали кого попало. Все было пущено в ход. Комендант города полковник Смирнов и казачий вахмистр Колоколов, разъезжая верхом, кричали: „бей, руби, стреляй, не жалей эту сволочь!..“

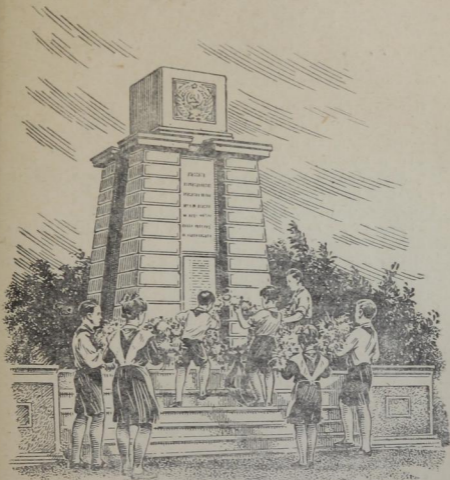
Через десять минут площадь опустела, и только в знойной пыли валялись трупы с вывороченными внутренностями и пробитыми головами. Тридцать человек было убито и свыше ста ранено. В числе погибших оказались следующие рабочие-революционеры:

1. Егор Степанович Зиновьев, с фабрики А. Гарелина.
2. Андрей Тимофеевич Рябинин, с фабрики Грязнова.

¹ Ивановский областной партийный архив, ф. 281, д. 412, л. 9.

3. Александр Данилович Коканов, с фабрики „Компания“.
4. Дмитрий Евстафьевич Волков, с фабрики Меф. Гарелина.
5. Григорий Венедиктович Царев, с фабрики Меф. Гарелина.
6. Василий Иванович Холодов, с фабрики Полушина.
7. Дмитрий Данилович Лапшин, с фабрики Грязнова.
8. Иван Михайлович Яковлев, с фабрики Дербенева.
9. Федор Никифорович Моисеев, с фабрики А. Гарелина.
10. Тихон Поликарпович Крюков, с фабрики Полушина.
11. Василий Иванович Комиссаров, с фабрики Витова.
12. Александр Иванович Сикаев, с фабрики Витова.
13. Василий Михайлович Ковалев, с фабрики Витова.
14. Илья Абрамович Рыбаков, с фабрики Грязнова.
15. Антон Иванович Воронин, с фабрики Полушина.
16. Иван Егорович Коровкин, с фабрики Меф. Гарелина.
17. Иван Иванович Кузнецов, с фабрики Куваева.
18. Михаил Амплеевич Тулуев, с фабрики Полушина.
19. Михаил Алексеевич Лоскутов, с фабрики Полушина.
20. Надежда Евдокимовна Заверняева, с фабрики Маракушева.
21. Матрена Григорьевна Лушникова, с фабрики „Компания“.
22. Яков Васильевич Батяев, с фабрики А. Гарелина.
23. Михаил Арсеньевич Белушков, с фабрики Куваева.
24. Федор Кузьмич Федотов, с фабрики Куваева.
25. Александр Васильевич Терентьев, с фабрики Полушина.
26. Екатерина Васильевна Сергеева, с фабрики Дарьинского.
27. Александр Иванович Дунаев, с фабрики Грязнова.
28. Александр Иванович Вырхалов, с фабрики Бурылина.
29. Павел Алексеевич Федосов, с фабрики Грязнова.
30. Андрей Николаевич Ремизов, ломовой извозчик.

Так царизм совершил свое очередное кровавое злодеяние. Но преступления самодержавия на этом не кончились, они продолжались вплоть до его последнего издыхания.

Памятник жертвам расстрела 23 (10) августа 1915 г.

В ночь с 23 на 24 августа полицейские власти города, с помощью пожарных команд, обмывали обогрелую рабочей кровью мостовую и, замечая следы, посыпали ее песком. Убитые и тяжело раненные на грязных

телсгах были свезены и брошены во дворе земской больницы.

Поэт Дм. Семеновский в поэме „Кровь тридцати“ писал:

На Приказном мосту расстреляли ткачей,
Замутился от крови в овраге ручей.
Тридцать жизней скопил беспощадный свинец.
Не вернется к детям кормилец-отец.

.....
Полицейские ночью, как воры, тайком,
Кровь на скользких камнях посыпали песком.¹

Вот некоторые выдержки из протокола осмотра погибших, которые были сделаны врачами и строго скрывались от огласки в народе:

„Труп мужчины за № 22. Одет в триковый пиджак, ластиковую розовую рубашку, бумажные штаны. На голове рана длиной в вершок, шириной $\frac{2}{3}$ вершка, кости раздроблены, мозг выступил наружу“.

„Труп за № 7. Вся левая половина головы разбита на мелкие куски“.

Через два дня, также ночью и в спешке, как воры, полицейские, пугливо озираясь по сторонам, при усиленном наряде войск и жандармов, хоронили убитых на бывшем Успенском кладбище в ямах по пять-шесть человек в каждой.

24 августа в Иваново-Вознесенск из губернского центра г. Владимира приехал следователь по важнейшим делам, который начал следствие и совместно с полицией сфабриковал пухлое и насквозь лживое четырехтомное „дело“ — „О нападении рабочих на воинскую заставу 10 августа (по ст. ст. — Ф. П.) 1915 г. в гор. Иваново-Вознесенске.

Начато 10 августа 1915 г.

Окончено 29 февраля 1916 г.“

Царские опричники ставили перед собой задачу: во что бы то ни стало и любыми средствами доказать виновность в расстреле самих рабочих. Нужно было обелить черносотенцев, палачей и кровавых собак типа Смирнова, Носкова и Авчиникова.

Обвинение гласило о том, что якобы „толпа рабочих намеревалась насильственно освободить из-под стражи содержащихся в полицейской арестантской, напала на

¹ Дм. Семеновский. Стихи, „Советский писатель“, 1947.

высланную для охраны этой арестантской воинскую часть, при чем своими насильственными действиями вынудила последних прибегнуть к силе оружия“.

Лживость и гнусность этого обвинения легко доказать.

Во-первых, шествие рабочих к тюрьме было мирное, рабочие не имели никакого оружия и не ставили перед собой задачу силой освободить арестованных. Они только требовали их освобождения. В указанном „деле“ имеется опись вещественных доказательств „вооружения“ рабочих. Вот она: на месте происшествия у раненых и убитых были отобраны пять кошельков с деньгами, пузырек с можжевелевым маслом, записная книжка, шесть перочинных ножей! И это все, ибо никак нельзя считать за принадлежащие бастующим камни и кирпичи, валявшиеся на улице и также приобщенные к делу.

Далее, сам прапорщик Носков был вынужден признать, что никакого „нападения толпы“ на него не было. Судебный следователь в своем отношении за № 768 от 26 августа 1915 г. спрашивал его: „Прошу немедленно дознать: были ли ранены или ушиблены чины караула, на которых было произведено нападение 10 августа 1915 г., если — да, то кто именно из чинов военного караула и где раненые или ушибленные чины ныне находятся?“. Носков на этом запросе сделал следующую надпись: „На отношение № 768 сообщаю, что раненых и ушибленных чинов караула не было во время произведенного нападения толпой 23 августа, кроме камня, который упал в трех шагах от меня и после отражения от земли ударился в носок правой ноги, не причинив ушиба“.

Представляет большой интерес также содержание так называемого вопросного листа Московского военно-окружного суда, составленного в июле 1916 г. Приведем следующие два ответа этого вопросного листа:

„Вопрос:

Доказано ли, что 10 августа 1915 г. в г. Иваново-Вознесенске воинская застава из 51 нижнего чина, под начальством офицера, из состава 199 пехотного запасного полка, расположенная на площади между улицами Кокуй и Соковской, подверглась насильственному нападению скопища людей.

Ответ:

Нет, не доказано; судом признано, что упомянутая в вопросе воинская застава нападению со стороны скопища не подвергалась.

Вопрос:

Если доказано изложенное в первом вопросе, то доказано ли, что участники упомянутого в 1 вопросе скопища, действуя соединенными силами, подойдя вплотную к указанной в 1 вопросе воинской заставе, оттеснили ее на несколько шагов назад, зашли ей в тыл, бросали в нее камнями и пытались обезоружить солдат.

Ответ:

Нет, не доказано, ввиду ответа на 1 вопрос, судом признано, что застава не была оттеснена, в тыл ей никто не заходил, камни в заставу не бросались и попыток обезоружить заставу не было.

Председательствующий генерал-майор кн. *Друцкой*.

Временные члены подпись
подпись " 1

Ясно, что все это „дело“ было шито белыми нитками. Бастующие не делали даже попыток к нападению. Участник стачки старый большевик А. Андрианов на собрании воспоминаний подпольщиков говорил:

— Я, как очевидец, утверждаю, что не было у рабочих никаких камней, и они близко ни к тюрьме и ни к солдатам не подходили, рабочие держали себя спокойно и корректно.

Долго тянулось следствие. Для царских ищек важно было не только „доказать“ виновность привлеченных к суду и арестованных большевиков, но и выловить оставшихся руководителей большевистской организации. Не случайно поэтому, что дело следствия пестрит вопросами: „Кто были ораторы?“, „Были ли призывы к забастовке по фабрикам?“, „Призывали ли к протесту против войны и кто именно?“ и т. п.

Даже реакционная, черносотенно-монархистская Дума не могла пройти мимо столь варварской расправы, учиненной над рабочими Иваново-Вознесенска. В Иваново-Вознесенск приезжал депутат Государственной думы Туляков. 38 депутатов Думы потребовали объяс-

¹ „Исторический журнал“, 1940, № 10, стр. 124—125.

нений от министра внутренних дел и военного министра. Они запрашивали министерство дать ответы на следующие два вопроса:

1. Известно ли им о расстреле в Иваново-Вознесенске и о преступных действиях подчиненных им лиц?

2. Приняты ли меры к незамедлительному расследованию совершившегося, с преданием суду участвовавших в расстреле должностных лиц?

Однако министры с трибуны Думы оправдали действия воинской заставы и полиции, заявив, что последние якобы имели „право употреблять оружие“, а к возбуждению судебного преследования против воинских чинов, причастных к событиям 23 августа, „достаточных оснований не имеется“.

Царское правительство еще до окончания следствия жестоко расправилось с арестованными большевиками и революционно-настроенными рабочими. Часть большевиков была выслана в северные районы России, часть в Сибирь, несколько человек просидело в тюрьме вплоть до февральской революции 1917 г. Товарищ И. И. Соловьев, руководитель социал-демократической организации Кохомской фабрики, на пути в ссылку умер в Иркутской тюрьме.

В г. Иваново-Вознесенске наступили черные дни жесточайшей реакции. Правители города 11 августа 1915 г. в газете „Ивановский листок“ угрожающе и в духе черносотенца палача Макарова, в короткой статье, посвященной расстрелу на Приказном мосту, заявили: „Так было вчера, так будет и после“. В городе вновь были произведены массовые аресты.

Таким образом, царь и его правители в центре и на местах снова показали свое подлинное лицо лжецов и клятвопреступников, кровопускателей и человеконенавистников. Каждый трудящийся Иваново-Вознесенска еще раз убедился, что царская шайка хозяйничает над великим русским народом, что она во имя личного благополучия попрежнему требует сотни и тысячи трупов рабочих и крестьян, что в России попрежнему жужжат пули убийц и нагайки наемников-казаков.

Грязное уголовное дело было прекращено только в марте 1917 г. Военный суд вынес обвиняемым оправдательный приговор. Арестованные были освобождены, а судебные издержки приняты на счет казны. Все

попытки правящих классов и их наемных слуг России обвинить в кровопролитии самих рабочих оказались несостоятельными. Правда восторжествовала.

* *
*

Весть о зверской расправе над текстильщиками Иваново-Вознесенска быстро облетела всю страну.

В связи с иваново-вознесенскими событиями объявили стачку около 20 тысяч металлистов столицы России — города Петрограда. Бастовали рабочие акционерного общества „Айваз“, нового и старого заводов Лесснера, машиностроительного завода „Феникс“, двух заводов общества „Промет“, Путиловской судовой верфи, завода Семенова и др.

Центральный орган большевистской партии газета „Социал-демократ“ в статье „Состояние с.-д. работы в Петербурге“ сообщала:

„Июль. Движение принимает резко политический характер. В Иваново-Вознесенске стачка (проводилась сторонниками Ц. К.) сопровождалась крупными демонстрациями, со знаменами, пением революционных песен, лозунгами: „долой правительство, всеобщая амнистия и т. д.“.

Начало августа. Большие стачки протеста против иваново-вознесенской расправы; в Питере бастует 15000 человек“.¹

Московские большевики заклеили позором новое кровавое злодеяние царизма. Они выпустили специальное воззвание, в котором говорилось:

„Не остыли еще трупы костромских товарищей, как гулким эхом отдались по России выстрелы по рабочим Иваново-Вознесенска. Сотни наших товарищей расстреляны за смелость возвысить свой голос над пучиной лжи и несправедливости. Вчера Лена и Кострома, сегодня Иваново-Вознесенск, а завтра может быть Петроград и Москва. Пролитая кровь наших товарищей вызывает к мщению!.. Заявим же мощно свой голос протеста против излюбленного правительством средства „успокоения“ — расстрела. Да замолчат фабричные свистки, да

¹ „Социал-демократ“, ЦО РСДРП, от 13 октября 1915 г., № 47.

высыплет весь рабочий народ на улицу, да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил, да затрепещут царские палачи. Проклятие убийцам! Смерть врагам! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует республика!"¹

Иваново-вознесенские выстрелы послужили сигналом к забастовкам и в других городах и промышленных центрах России.

Как 3 июня 1905 г. на реке Талке, так и 23 августа 1915 г. на Приказном мосту, иваново-вознесенские ткачи получили великий урок классовой борьбы. Революционное воспитание трудящихся масс Иванова и Ивановского промышленного района за этот день далеко шагнуло вперед.

Товарищ Сталин учит, что „борьба пролетариата не представляет сплошного наступления, сплошной цепи успехов. Борьба пролетариата имеет также свои испытания, свои поражения".² Расстрел на Приказном мосту не посеял ни уныния, ни тем более паники.

Классовая борьба в городе, как и во всей стране, все более обострялась. Россия находилась накануне второй русской буржуазно-демократической революции.

Достаточно привести следующие факты: на второй день после расстрела, 24 августа, в Иваново-Вознесенске не явилось на работу свыше 8000 рабочих. Попрежнему бастовали почти все рабочие фабрик Гандурина, Зубкова, „Компания“, Маракушева, Н. Гарелина и др. Около 3500 рабочих бастовало 25 августа. Нормальная работа фабрик и заводов города началась только с 29 августа.

На протяжении последующего времени 1915 г. и всего 1916 г. не было ни одного месяца, в течение которого бы рабочие не бастовали на тех или иных предприятиях. По далеко неполным статистическим данным за два с половиной года войны в городе было проведено 146 стачек с 107 028 участниками. Как до событий 23 августа, так и после них главными причинами рабочего движения были затянувшаяся война, развал хозяйства, продовольственный кризис в стране, голод и нищета трудящихся масс. С августа 1915 г. были

¹ „Рабочий край“, от 23 августа 1935 г., № 194.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 330.

полностью прекращены даже попытки к регулированию цен на рынке. В конце 1915 г. полицеймейстер города доносил в губернию, что „дороговизна жизни, не говоря уже о рабочих, возмущает почти все население г. Иваново-Вознесенска“.

Во главе трудящихся масс попрежнему находились большевики. Партийная организация города после тяжелого удара, понесенного ею во время ареста 22 августа и расстрела 23 августа, ни на один день не прекращала жить и работать.

6 сентября 1915 г. группа большевиков в количестве 100 человек собралась за местечком Соснево и выбрала организационную комиссию, на которую было возложено руководство партийными ячейками предприятий. Правда, и эта комиссия просуществовала недолго. Провокаторы опять совершили свое гнусное дело. Многие ее члены были арестованы. С большим трудом пришлось восстанавливать связи, налаживать внутрипартийную и партийно-политическую работу. Городская партийная организация в начале 1916 г. вновь оправилась, а к концу года значительно окрепла.

Под руководством партии Ленина—Сталина ивановские большевики успешно привели трудящиеся массы города на штурм твердынь царизма и капитализма.

Сразу же после февральской революции в Иваново-Вознесенске был создан Совет рабочих и солдатских депутатов, во главе которого встали старые большевики — В. П. Кузнецов, В. Я. Степанов и другие. Одним из первых мероприятий Совета был арест царского палача, полковника-преступника Смирнова, которому, однако, тогда удалось спасти свою звериную шкуру.

В октябре 1917 г. под водительством мудрой партии большевиков и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина ивановские большевики привели рабочих города к победоносной социалистической революции.

* *
*

Августовская стачка 1915 г. и расстрел ивановских рабочих на Приказном мосту никогда не исчезнут из памяти советских людей и особенно ивановских ткачей.

В девятую годовщину со дня расстрела, в 1924 г.,

останки убитых героев ивановцы перенесли на Площадь Революции, где им воздвигнут памятник. Бывшие улицы Покровская и Кокуй решением Ивановского городского исполнительного комитета переименованы в улицу „10 Августа“. Бывшая фабрика капиталиста А. Гарелина, на которой перед смертью работал товарищ Егор Степанович Зиновьев, получила название фабрики имени рабочего Федора Зиновьева. Большевик Федор Зиновьев навечно зачислен в списки рабочих этой фабрики.

Вечная память жертвам расстрела 23 (10) августа!

Вечная пзмять борцам,
Павшим за правое дело!
Слзва горячим сердцам,
Радостной жизни творцам.¹

Не забыли трудящиеся г. Иванова и таких людей, как полковник Смирнов, прапорщик Носков, провокатор Чугунов и других прямых виновников расстрела. После Великой Октябрьской социалистической революции они были пойманы и приговорены к смертной казни как враги народа.

В 1925 г. на судебном заседании Иваново-Вознесенского губернского суда подсудимый Смирнов показал, что он получил указания владимирского губернатора и командующего войсками Московского военного округа о выставлении постов, что солдаты стреляли по его прямому распоряжению, а он на этот счет имел приказ сверху.

Смирнов вынужден был сознаться, что он даже „поблагодарил солдат“ за исполнение его приказа.

На следствиях и судебных процессах после Октябрьской революции полностью вскрыта вся чудовищная закулисная подготовка вооруженного „усмирения“, „непокорных и строптивых“ текстильщиков Иванова. Эти материалы еще раз показали, что царизм держался на штыках, представляя собою режим виселиц и дикого произвола.

Так было. И этого настоящие и грядущие поколения советских людей никогда, никогда не забудут. Вечная память героям! Вечное проклятие царским палачам!

¹ Дм. Семеновский, Поэма о тридцати ткачах.

Все худшие черты этого режима ныне восприняты и приумножены агрессивным американским империализмом. В Соединенных Штатах Америки, как и в царской России, бесчинствует кучка империалистов-работладельцев. Как и в России, там вместо народного парламента — самый реакционный конгресс; вместо „незыблемых гражданских свобод“ — свободы слов, собраний, союзов, стачек — мертвая рука врагов народов мира труменов и маршаллов, аресты руководителей коммунистической партии, запрещение демократических организаций, преследование сторонников мира, репрессии против бастующих, концлагеря; вместо неприкосновенности личности — избиение в тюрьмах, суды Линча, казни на электрическом стуле; вместо оздоровления и очищения нравов — неслыханный разврат и разложение „долларовой культуры“; вместо международного величия — провал политики грабежа и порабощения народов.

Если в прошлом в XIX веке Россия была жандармом Европы и центром самой разнузданной реакции, то теперь, в XX столетии, США является полицейским стражем лагеря империализма, центром реакции и всякого гнета, ударной силой мирового империализма.

Но как бы ни бесновались американско-английские империалисты, какие бы планы они ни строили, к каким бы зверствам ни прибегали в борьбе с силами мира и демократии, им не повернуть колесо истории вспять.

Советский народ, руководимый великим зодчим коммунизма И. В. Сталиным, является оплотом демократического лагеря. Партия Ленина — Сталина ведет советских людей от победы к победе.

Ивановские текстильщики, воспитанные и закаленные большевистской партией, получившие боевую закалку в многочисленных классовых боях за социализм, всегда шли и идут в передовых рядах борцов за коммунизм.

Коренным образом преобразился город Иваново. Выросли целые поколения текстильного центра, которые о проклятом прошлом страны и Иваново-Вознесенска знают только из истории. Но все трудящиеся, как стар-

шего поколения, так и наше молодое сталинское племя, тесно сплочены вокруг партии большевиков и нашего родного товарища Сталина.

Трудящиеся города Иванова и Ивановской области, на каких бы участках коммунистического строительства они ни находились, самоотверженно трудятся над выполнением величественных задач Сталинской программы послевоенного развития СССР.

Как и весь советский народ, они борются за мир во всем мире и куют победу демократического лагеря над злейшими врагами международного рабочего движения, над ярыми человеконенавистниками — американскими поджигателями новой мировой войны.

Кровь, пролитая на Приказном мосту, не пропала даром. Великое дело освобождения трудящихся из-под ига капитала, за которое погибли тридцать рабочих-текстильщиков, за которое царизм сгноил в тюрьмах и ссылках многих ивановских большевиков, восторжествовало.

Уроки борьбы российского и международного пролетариата свидетельствуют, что нет таких сил, которые могли бы остановить неодолимое движение трудящихся масс вперед — к коммунизму.

Редактор *Г. М. Смирнов.*
Художник *И. Т. Колочков.*

* * *

Подп. к печ. 8/V-1951 г. КЕ—01303.
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 0,75$ бум. л., —
3 печ. л., 2,34 уч.-изд. л. Тираж
5000 экз. Цена 60 коп.

* * *

Ивановская типография облполи-
графиздата, г. Иваново, Типограф-
ская, 4. Заказ № 3162.

1

2

3

60 коп.